

Суворова Ирина Михайловна

ПРОБЛЕМА "ПЕРЕОЦЕНКИ" ЦЕННОСТЕЙ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ОБРАЗОВАНИЯ XIX ВЕКА

В статье анализируется ситуация смены аксиологических доминант в культуре Западной Европы XIX века на основе работ философов-романтиков. В тексте рассматривается трансформация нравственно-эстетических ценностей в аксиосфере культуры, а также влияние аксиосферных изменений на образование как социокультурный феномен. В результате обнаруживается определенное несоответствие аксиологических доминант культуры и образования, что свидетельствует о непрямой взаимосвязи аксиосфер культуры и образования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 149-152. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

и 12 искусствоведах – членах творческого союза. Словарь является универсальным библиографическим источником, без которого уже не сможет обойтись исследователь, изучающий художественную культуру Сибири. В настоящее время без искусства Сибири невозможно выстроить панораму искусства России.

Отличительной чертой художественной жизни Алтайского края рубежа XX-XXI вв. является становление и развитие мемориальных музеев-усадьб: в селе Анос Республики Алтай – музей-усадьба первого профессионального художника на Алтае Г. И. Гуркина; в селе Полковниково Алтайского края – музей-усадьба советского космонавта Г. Титова; в селе Сротки – музей-усадьба В. М. Шукшина; в селе Курья – музей-усадьба М. Т. Калашникова и другие.

Образование в России региональных культурных центров и художественных школ можно объяснить «внешними» и «внутренними» причинами, связанными с экспансией искусства в провинции за счет насыщения регионов художниками и педагогами, получившими образование в Москве и Санкт-Петербурге во второй половине XX века, а также с художественным освоением сибирского пространства в процессе деятельности творческого Союза художников СССР. Опыт художественной жизни Алтая, сложившийся к началу XXI в., показателен, для него характерны: обилие стилистик, разнообразие галерей, открытие высших и средних профессиональных заведений, реализация различных проектов, активная издательская деятельность, постепенное формирование школы сибирского искусствоведения.

Список литературы

1. Живая вода Алтая. Живопись из коллекции Щетинных: каталог / авт. вст. ст. Н. А. Щетинина. Барнаул: Графикс, 2016. 42 с.
2. Мелехова К. А., Нехвядович Л. И., Степанская Т. М. Русская художественная школа в диалоге культур XX в. Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2012. 210 с.
3. Морозов А. Соцреализм и реализм. М.: Галарт, 2007. 271 с.
4. Нехвядович Л. И. Этническая традиция в современном гуманитарном знании: монография / АлтГУ, Науч.-исслед. лаб. фак. искусств «Изобразительное искусство и архитектура Сибири». Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 96 с.
5. Степанская Т. М. Архитектура Алтая XVIII – начала XX века. Барнаул, 1994. 182 с.
6. Степанская Т. М. Служили Отечеству на Алтае. Барнаул, 1998. 136 с.
7. Художники Алтайского края: библиографический указатель. Барнаул, 2005. 648 с.
8. Черняева И. В. Художественные галереи Западной Сибири на рубеже XX-XXI вв. Барнаул, 2013. 163 с.
9. Чирков В. Ф. Метрополия и провинция // Культурное наследие Сибири. Барнаул, 2016. № 1 (19). С. 27-34.

PECULIARITIES OF REGIONAL ARTISTIC LIFE IN RUSSIA AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor in Art Criticism, Professor
Chernyaeva Irina Valer'evna, Ph. D. in Art Criticism
Altai State University
stm@art.asu.ru; gurkina-22@mail.ru

The article discusses the peculiarities of regional artistic life in Russia at the turn of the XX-XXI centuries by the example of Altai Territory; attempts to identify the causes of the outlined decentralization of art in Russia. The authors analyze the forms of artistic life, as well as the level of the artistry of paintings presented at the exhibitions of Altai Territory. The paper considers such phenomena as the development of private art galleries, publishing activity in the field of art criticism and museum work.

Key words and phrases: exhibition; gallery; artistic life; region; decentralization; centre; province; artistic image; style; direction.

УДК 1(091)

Философские науки

В статье анализируется ситуация смены аксиологических доминант в культуре Западной Европы XIX века на основе работ философов-романтиков. В тексте рассматривается трансформация нравственно-эстетических ценностей в аксиосфере культуры, а также влияние аксиосферных изменений на образование как социокультурный феномен. В результате обнаруживается определенное несоответствие аксиологических доминант культуры и образования, что свидетельствует о непрямой взаимосвязи аксиосфер культуры и образования.

Ключевые слова и фразы: ценности; философия романтизма; аксиологические доминанты; педагогическая теория; образовательная практика.

Суворова Ирина Михайловна, к. филос. н.
Петрозаводский государственный университет
suvormih@list.ru

ПРОБЛЕМА «ПЕРЕОЦЕНКИ» ЦЕННОСТЕЙ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ОБРАЗОВАНИЯ XIX ВЕКА

Проблема «переоценки» ценностей в истории философии и в таком социокультурном феномене, как образование, с завидным постоянством становится темой для принципиальных споров философов, педагогов,

культурологов и психологов. Пристальный интерес к данной проблематике обеспечен сменой культурных эпох и ценностных идеалов, а также поиском новых аксиологических ориентиров в так называемые «переходные» периоды. В этом смысле современная ситуация аксиологического «поиска» в России с исторической точки зрения не отличается оригинальностью и также представляет собой попытку обрести ценностный «сплав», определяющий развитие всей культуры, аналогично истории Западной Европы XIX века, когда происходил переход от эпохи Просвещения к Романтизму, от классических ценностных идеалов к неклассическим. Вероятно, анализ влияния данного аксиологического «сдвига», описанного в философских трудах ученых XIX века, на образование позволит выявить, в какой мере оно изменилось в условиях «переходного периода», и сделать вывод о характере этих изменений. В контексте данной задачи образование представлено как социокультурный феномен, в котором на протяжении всей истории транслируются, аккумулируются и сохраняются непреходящие ценности человечества, позволяющие осуществлять его культурное бытие. В данном контексте внимание уделяется проблеме трансформации нравственно-эстетических ценностей, поскольку именно в образовании в большей степени представлено это аксиологическое единство как залог культурного бытия.

Переход от Просвещения к Романтизму в XIX веке стал началом радикальных изменений аксиосферы культуры, главный смысл которой – переоценка всех ценностей. Именно романтический эмотивизм и волюнтаризм проложили дорогу модерну, который впоследствии отверг все известные классические нормы, правила, установки и ценности. Разочарованность романтиков в идее рационального устройства мира, общества и человека породила иррационально-мистическую позицию в восприятии искусства, природы, общества и самого человека. В этом контексте сомнению были подвержены такие ценности уходящей эпохи, как гражданственность, равенство, братство (политические и правовые), этические ценности долга и патриотизма, гносеологические (сила разума и нормативность), а эстетические ценности приобрели характер эстетизма во всех сферах деятельности человека.

Философской опорой романтиков стала метафизика Иоганна Готлиба Фихте (1762-1814 гг.), кантианца, который рассматривал проблему объективности и сознания, неотделимости субъекта и объекта [7]. На правах же официальной философии романтизма выступала философия Фридриха Вильгельма Шеллинга (1775-1854 гг.), который развил принципы объективно-идеалистической диалектики природы как живого организма в «Идеях к философии природы» 1797 года и в «Системе трансцендентального идеализма» 1800 года. Под влиянием этих трудов философы-романтики рассматривали природу как становящееся символическое произведение искусства, как «истечение Абсолюта» (Ф. В. Шеллинг), а писатели-романтики описывали свои творческие задачи: «Осмысленно показать природу, постигнув в ней то высшее начало, которое во всех существах пробуждает пламенное стремление к высшей жизни, – вот священная цель всякого искусства. Разве может привести к этой цели простое списывание натуры? Для посвященного внятен язык природы, повсюду ловит он чудный звук ее речей... священный смысл ее он постигает сердцем; и тогда, словно дух Божий, нисходит на него дар божий, нисходит на него дар зримо выражать это постижение в своих творениях» [3, с. 42]. Природные образы бури, грозы, ночи и луны становятся излюбленными мотивами романтиков. Но «все звуки, которые порождает природа, грубы и неосмысленны, – только музыкальной душе шелест леса, свист ветра, соловьиное пение, журчание нередко кажутся мелодичными и полными значения. Музыкант изымает существо своего искусства из самого себя, и никакое подозрение, что он подражатель, не может коснуться его» [5, с. 90]. Таким образом, для романтика ценным становится само восприятие явлений действительности, а не ее достоверность, что делает востребованным все чудесное и фантастическое, мистическое и загадочное.

Особую признательность получил иррационализм Артура Шопенгауэра (1788-1860 гг.), который провозглашал идеи волюнтаризма и пессимизма, наделяя мистику особой ценностью. «Мистика – это всякое указание к непосредственному проникновению в то, куда не достигает ни созерцание, ни понятие, ни вообще какое бы то ни было знание. Мистика – это тот пункт, где необходимо прекращается всякое знание; и оттого этот пункт может быть выражен для мысли только отрицательным путем, а для чувственного созерцания он замещается символическими знаками, во храмах – темнотою и безмолвием, а в браманизме даже требованием приостановки всякого мышления и созерцания, в целях глубочайшего проникновения в недра собственного я, с помощью мысленного произнесения таинственного слова *Oum*» [10, с. 537]. В мистических произведениях романтиков с целью «глубочайшего проникновения в собственное я» нередко эстетизировались порой безнравственные и низменные образы и герои (пираты, разбойники, грабители и т.п.). В метафизическом анализе безнравственного поступка важно было обнаружить ту самую мотивацию, о которой писал А. Шопенгауэр, чтобы обнаружить проявление воли героя. В поисках свободы эстетизированные герои трагически переживали крах собственных иллюзий, но продолжали верить в некий идеал с определенной долей иронии. «Только ироническое отношение ко всему позволяет художнику подняться почти до уровня Бога и свободно парить в пространствах, с царской небрежностью порхая от формы к форме, от предмета к предмету, стремясь к некоему абсолютному идеалу и никогда не достигая его» [1, с. 79]. Такое ироничное отношение к действительности на правах эклектики у романтиков сочеталось с трепетом перед возвышенными явлениями и образами.

Категория возвышенного в романтизме обладала особой ценностью. Возвышенным, прежде всего, романтики признавали образ самого творца-гения, обладающего пророческим даром, а не пафосного героя ушедшей эпохи. Поэтому в эстетической картине мира романтизма художник – уже не слуга императора, короля, князя, мецената, «почтенной публики», а «властитель дум», открыватель истин и лидер человечества.

Искусство в эпоху романтизма для философов представляется как важнейшая область духовной жизни человечества, что свидетельствует о высоком статусе художественных ценностей в аксиосфере культуры. В философской системе Ф. Шеллинга искусство – «это абсолютное, данное в отображении, и оно отображает не видимые формы предметов, но восходит к их первообразам, метафизическому миру идей» [9, с. 67-68]. По Шеллингу, есть

только два способа «созерцания единого Абсолюта, или бесконечного» – это философия и искусство. Но если философия «созерцает» бесконечное как прообраз истины, то искусство – как прообраз красоты. А. Шлегель определял искусство в своих лекциях «О драматическом искусстве и литературе» как символическое изображение Бесконечного. Таким образом, многозначность и неопределенность отношения к миру побудили многих романтиков обратиться к эстетической теории символизма. Символ рассматривался ими как высшая и единственно приемлемая форма художественного обобщения личностного и социального бытия человека, а символизм, в свою очередь, надолго стал способом выражения индивидуального духа в культуре Западной Европы.

Внутренняя духовная неудовлетворенность романтиков была отражена в философии Серена Кьеркегора (1813-1855 гг.), который определял человеческую жизнь как отчаяние и единственную возможность прорыва к Богу: «Что будет? Что принесет грядущее? Я этого не знаю, я ни о чем не догадываюсь. Когда паук, потеряв точку опоры, срывается в неизвестность последствий, он неизменно видит перед собой пустое пространство, где не за что зацепиться, сколько ни барахтайся. Вот так и со мною; впереди неизменно пустое пространство, а то, что гонит меня вперед, есть последствие, оставленное позади. Эта жизнь лишена смысла и ужасна, невыносима» [4, с. 364]. В этой глубоко трагической ситуации Кьеркегор указывает на один возможный выход – веру в Бога, который совершеннее человека, а потому его всегда простит.

Таким образом, в философии эпохи Романтизма наблюдается явное расхождение с аксиологическими доминантами (на примере нравственно-эстетических ценностей) ушедшей классической эпохи, так как на фоне определенного смещения эстетических жанров и категорий эстетизируется безобразное, низменное и жестокое. Этот факт, в свою очередь, можно оценить как разрыв этического с эстетическим, как нравственную антиформативность, как проявление неклассичности. Доминирование иррационального и мистического в философии романтиков вступает в диссонанс с классическими установками о торжестве разума. Отчаяние и пессимизм романтиков создают ощущение психологической ситуации безысходности субъекта. Все это свидетельствует о явной «переоценке» ценностей и аксиологическом «сдвиге» в культуре XIX века, когда ценности Просвещения заменяются ценностями новой культурной эпохи Романтизма. Рассмотрим, как эти сложные и противоречивые аксиологические изменения нашли свое отражение в таком социокультурном феномене, как образование.

С этой целью проанализируем целевые и ценностные установки ведущих педагогов XIX века. Вектор развития образовательных теорий и практик в Западной Европе XIX века определили такие великие педагоги, как И. Г. Песталоцци, Ф. В. Фребель, И. Ф. Герbart, Ф. А. В. Дистервег.

У И. Г. Песталоцци [6] в педагогической концепции на первый план выходила идея всестороннего развития личности ребенка, независимо от его происхождения, в рамках этических ценностей ушедшей эпохи (равенства и братства), а не в угоду избирательности романтизма. В «методе элементарного образования» Песталоцци соединил нравственные, эстетические, интеллектуальные и физические цели-ценности образования как залог гармонично развитой личности, сохраняя принцип античного перихоресиса (единства добра, красоты и истины).

В «Универсальном германском воспитательном институте» Ф. В. Фребеля особое внимание уделялось физическому и умственному развитию учеников. В это время все больше места в программах отводилось математическим и естественным наукам с опорой на декартовский рационализм прошлого века. Но Фребель [8] целью-ценностью воспитания называл творчество ребенка, поэтому в его программах много игр и художественной деятельности как отражение эстетических настроений эпохи Романтизма.

Особое место эстетике и этике отводил в своей педагогике теоретик и практик И. Ф. Герbart [2]. Если эстетические представления о мире он ставил главной задачей воспитания, то этика как практическая философия определяла все другие цели воспитания. Его идеи внутренней свободы, совершенства, благожелательности, права и справедливости должны были в результате такого воспитания стать внутренним законом каждого ученика. Таким образом, педагогическая теория Герbartа сочетала в себе ценностные установки эпохи Просвещения и Романтизма, определяя и образовательную практику его школы.

Ф. А. В. Дистервег в «Руководстве к образованию немецких учителей» пристальное внимание уделял развитию самостоятельности, самостоятельности и самообразования учеников. Теория развивающего обучения Дистервега включала умственное, нравственное и физическое воспитание, что и составило основу немецкого классического образования в XIX веке, оставаясь неизменным вплоть до педагогических экспериментов XX века.

Таким образом, анализ педагогических теорий и практик в Западной Европе XIX века показал, что ценностные установки образования как социокультурного феномена соответствовали скорее аксиосфере классической культуры предыдущего столетия (формирование разумной, высокообразованной, нравственной, с чувством собственного достоинства личности), а не современным романтическим ценностям устремлениям. Хотя в эстетической доминанте образования можно обнаружить влияние романтических идей XIX века. Эстетические ценности формировались в данной системе образования на всех ступенях и более всего содействовали главной цели – развитию эстетического вкуса ученика на лучших примерах классического искусства.

Итак, на фоне очевидных призывов философов XIX века «переоценить все ценности» (Ф. Ницше) образование осталось на консервативных позициях классической аксиосферы и сыграло свою регулятивную роль в сохранении и приумножении духовных ценностей культуры. Такой результат анализа влияния аксиологических сдвигов культуры на систему образования показывает относительную независимость и самодостаточность этой системы даже в «переходные периоды», что может быть учтено и в современное время.

Список литературы

1. **Бычков В. В.** Эстетика. М., 2005. 556 с.
2. **Герbart И.** Общая педагогика, выведенная из цели воспитания // Хрестоматия по истории педагогики: в 2-х т. / сост. Г. П. Вейсберг, Н. А. Желваков, С. А. Фрумов. М.: ГУПИ Наркомпроса РСФСР, 1940. Т. 2. Ч. 1. История педагогической мысли в период от Французской буржуазной революции 1789 года до Парижской Коммуны. С. 220-286.

3. Гофман Э. Т. А. Церковь иезуитов в Г.* // Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века / сост. И. С. Ковалева, Ю. В. Ковалев. Л.: Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова, 1985. С. 27-51.
4. Кьеркегор С. Или-или. СПб.: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии; Амфора, 2011. 823 с.
5. Новалис. Фрагменты // Зарубежная литература XIX века: Романтизм: хрестоматия / сост. А. С. Дмитриев. М., 1990. С. 80-98.
6. Песталоцци И. Г. Как Гердтруда учит своих детей. Лебединая песня. Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1989. 416 с.
7. Фихте И. Г. Наукоучение в его общих чертах // Фихте И. Г. Сочинения: в 2-х т. СПб., 1993. Т. 2. С. 771-791.
8. Фребель Ф. Педагогические сочинения: в 2-х т. М., 1913. Т. 2. Детский сад. 519 с.
9. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.
10. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: в 4-х т. / пер. с нем. Мн.: ООО «Попурри», 1999. Т. 2. 832 с.

PROBLEM OF "REASSESSMENT" OF VALUES IN THE HISTORY OF WEST EUROPEAN PHILOSOPHY AND EDUCATION OF THE XIX CENTURY

Suvorova Irina Mikhailovna, Ph. D. in Philosophy
Petrozavodsk State University
suvormih@list.ru

The article analyzes the situation of the change of axiological dominants in the culture of Western Europe of the XIX century on the basis of works of philosophers-romanticists. The paper considers the transformation of moral-aesthetic values in the axiological sphere of culture, and also the impact of the axiological sphere changes on education as a socio-cultural phenomenon. As a result certain contradiction between the axiological dominants of culture and education is found out, which testifies to the indirect correlation of the axiological spheres of culture and education.

Key words and phrases: values; philosophy of romanticism; axiological dominants; pedagogical theory; educational practice.

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена философскому осмыслению феномена инклюзии – сути гуманистической парадигмы нового тысячелетия, преодолевающей узость инклюзивного образовательного пространства и вырастающей в единую социокультурную среду, выстроенную по принципу приятия дружности. Констатируется серьёзное изменение общественного сознания в современной России. Описываются механизмы становления коллективной идентичности, открывающейся навстречу культуре Другого. Раскрывается сущность идентификации своего места в культуре посредством осознания себя через Другого.

Ключевые слова и фразы: инклюзия; социокультурные трансформации; гуманистическая парадигма; потребность в социальном; включение; Другой; социокультурное пространство.

Судакова Наталия Евгеньевна, к. пед. н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва
sovetnik.imtp@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ИНКЛЮЗИИ КАК ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: НАВСТРЕЧУ ДРУГОМУ

Начало нового тысячелетия – время глобальных социокультурных трансформаций, время осмысления многовековой истории человечества с целью отсеять всё ненужное и, взяв с собой всё самое ценное, наметить траектории развития, консолидирующие отечественное и мировое сообщество для преодоления разобщенности на почве политических, экономических, этнических, гендерных, религиозных и других конфликтных ситуаций. Стремление к единению культур как сути гуманистической парадигмы преодолело терминологическую узость «слияния» и переросло в концепт «включение». Включение личности в социум третьего тысячелетия происходит через присвоение культурных ориентиров, через мультикультуральный обмен, посредством осознания важности как личного, так и отличного от собственного «Другого» социокультурного опыта, осознания «ответственности за включенность в многокультурную среду, за соблюдение норм и правил социального поведения» [1, с. 253].

В данном контексте особое место занимает концептуально новое понятие – культура инклюзии. Десятилетие назад понятие «инклюзия» имело вполне определённое узкое значение – включение детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в общеобразовательное пространство. Проблема социализации людей с ОВЗ [3] в современной России стояла с такой остротой, что ни о каких других аспектах данного понятия не могло быть и речи. Проблема детей-инвалидов, лишённых нормального существования, такой естественной для обычного ребёнка среды сверстников, требовала немедленного конструктивного решения. Инклюзивное